

Александр Холми

ПОСЛЕДНИЙ
ВОР
В ЗАКОНЕ

Александр Холин

Последний вор в законе

«Автор»

2011

Холин А. В.

Последний вор в законе / А. В. Холин — «Автор», 2011

По сути, борьба с преступностью – это непрекращающаяся война двух систем: государственной и криминальной. К тому же, сейчас они настолько срослись, что порой просто не понять, где кончается одна и начинается другая. Обе хороши и неразделимы! Обе воюющие стороны в зависимости от возникающих и меняющихся социальных условий меняют более или менее гибко свою стратегию и тактику. Но зачастую преступный мир делает это более адекватно и своевременно. Последний вор в законе – неадекватный герой, обладающий умением скрываться от преследователей. Долгое время работники МУРа никак не могли поймать этого мистического вора. Начали ходить легенды, что преступнику помогает чуть ли не сам дьявол. Так ли это?

© Холин А. В., 2011

© Автор, 2011

Содержание

1	6
2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александр Холин

Последний вор в законе

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1

У каждого в этом мире бывают какие-то взлёты и падения. У каждого на жизненном пути возникают отправные или направляющие вехи, оттолкнувшись от которых человек начинает рассматривать знакомые обыденные вещи и бытовые ситуации совсем под другим ракурсом.

Одной из таких век в послужном списке Алексея Сухарева было нашумевшее дело ограбления московской квартиры Алексея Николаевича Толстого возле Никитских ворот. Что говорить, дело делом, а философия жизни иной раз задаёт такие загадки, не решив которые, человек не сможет найти себе покоя в мире сущих.

Осенью столица, ещё не совсем оправившаяся от шумных Олимпийских игр, прихорашивалась, привыкая глядеть на себя под тем самым другим углом зрения после мировой Олимпийской вехи. Но деловую размеренность милицейской жизни города потрясло дерзкое ограбление, сразу с лёгкой руки журналистской братии названное преступлением века.

Может быть, в какой-то мере на это ограбление нельзя было вешать такую громкую табличку, но советский граф Алексей Толстой сыграл не последнюю роль в культуре нашей страны, с чем нельзя было не согласиться. В МУРе сразу же состоялось первое заседание привлечённых к этому делу оперативников, где огласили суть происшедшего.

Алексей Сухарев прибыл в кабинет начальника МУРа без опоздания и с любопытством принялся оглядывать выделенных на это непростое дело сослуживцев. Кроме самого хозяина кабинета О. Ёркина, здесь присутствовал его заместитель Гельфрейх, Николай Герасимов, Иван Бирюков и Борис Хусаинов. А возглавлял команду генерал-майор Пашковский. Сухарев даже присвистнул, но ничего не сказал и примостился на свободное место.

Первоначальные данные ограбления были уже известны, но Ёркин ещё раз оповестил всех:

– Ровно неделю назад, 14 ноября 1980 года, трое неизвестных в 12.30, представившись работниками МВД, сумели проникнуть в квартиру писателя Алексея Николаевича Толстого. Жительниц квартиры, вдову писателя Людмилу Ильиничну и её домработницу Анюту Чипиженко бандиты связали и закрыли в ванной комнате, а сами принялись хозяйничать. Надо сказать, что эту квартиру работники из Министерства Культуры давно уже собирались превратить в музей. И с этой целью туда явилась в 12.50 сотрудница Государственного литературного музея Надежда Соколова, которая несколькими днями раньше начала производить опись имущества, поэтому Соколова принялась настойчиво звонить.

Бандиты, чтобы не поднимать шума, открыли дверь, втащили женщину в квартиру, и присоединили к двум другим пленницам. Судя по рассказам женщин, налётчики прекрасно знали обстановку квартиры. Им известно было, что где лежит и лишнего времени на поиски ценностей они не тратили. Похищено драгоценностей, так сказать будущих экспонатов музея было на сумму около миллиона рублей, а это в наше время деньги немалые. Так что, можно считать, нам действительно предстоит заняться ограблением века. Вопросы есть?

– Позвольте, Олег Александрович, – подал голос Николай Герасимов. – Ограбление было, как вы сказали, неделю назад. Почему же нас только сегодня собрали здесь, у вас в кабинете?

– Оперативникам было вынесено «высочайшее запрещение» вторгаться на территорию будущего музея со стороны старшего следователя по особо важным делам Александра Львовича Шпеера. Надо сказать, что Московская прокуратура отдельно включилась в расследование, но работа следствия началась довольно странно: вместо скрупулезного обследования места происшествия по, так сказать, «горячим следам», районному отделению милиции дан вердикт – выставить у квартиры постового и не пущать никого, даже хозяйку!

– А не по наводке ли этого Шпеера бандиты заглянули на огонёк к Людмиле Ильиничне? – ядовито усмехнулся Алексей Сухарев.

– Ты, Сухарев, говори, да не заговаривайся! – одёрнул оперативника генерал-майор Пашковский. – Александр Львович – всё-таки по особо важным, то есть важняк по-нашему, а ты кто?

– А я сыскарь, товарищ генерал! – упрямо посмотрел в глаза начальника Сухарев. – Я привык исполнять свою работу и отвечать за сделанное. К тому же родной брат Шпеера близко связан со Звездинским и Пугачёвой, дающими широкие неучтённые Москонцертом выступления. Так что следователь Шпеер мог и здесь намотить.

– Вот и поезжайте в квартиру Толстого с отрядом оперативников и обследуйте всё, что можно, – поморщился генерал.

Надо сказать, начальству никогда не нравится, если у подчинённых возникают какие-то вопросы или неуместное недовольство. Только в Советском Союзе никогда не прекращалась внутренняя служебная борьба между Прокуратурой, КГБ и МВД. Что говорить, примером могла послужить та же побеждённая Германия, где Абвер, Гестапо и СС дрались, словно пауки в банке. Но никакие драки и войны не приводят к положительному результату. С этим фактическим выводом истории нельзя было не согласиться.

В квартире писателя оперативников встретила Людмила Ильинична и её домработница. Обе женщины тихие, спокойные, но никаких подозрений ни на кого у дам не возникло. А Людмила Ильинична вспомнила:

– Боже! Я бы никогда не подумала, что это грабители! Один из них, такой обаятельный еврейчик, вежливо попросил меня присесть в кресло и, когда привязал мои руки к подлокотникам, осведомился: «Вам не очень больно?». Представляете? Я таких грабителей никогда раньше не встречала и даже не представляла, что грабители могут быть воспитанными и вежливыми.

– Людмила Ильинична, – прервал её Сухарев. – Почему вы решили, что он еврей? Или он вам паспорт показывал?

– О, нет, – смутилась Людмила Ильинична. – Просто в разговоре он несколько раз упоминал Жмеринку, говорил, что это настоящая историческая родина даже Гольды Меер. И что его приятель считает, дескать, столицу надо переносить в Жмеринку и никак иначе.

– Значит, Москва им не нравится? – нарушил молчание Борис Хусаинов.

– Думаю, не очень, – пожал плечами Толстая. – К тому же, у московских евреев говорок совсем другой. А эти явно откуда-то приехали.

– Постойте-ка, – насторожился Сухарев. – В протоколе Прокуратуры значится, что вас, вашу домработницу и пришедшую через полчаса служительницу литературного музея Соколову заперли в ванной комнате?

– Помилуйте, Алексей Михайлович, – подняла влажные глаза на сыскаря Людмила Ильинична. – Следователя вовсе не интересовало, кого, когда и где заперли. Он досконально допрашивал меня о моих украшениях, просил описать какого вида и сколько стоит. Собственно, тем же несколько дней подряд занималась Соколова. Она даже фотографа с собой приводила. А какие же это экспонаты, когда все цапки, если можно так выразиться, мои личные вещи? Почти каждая – память о моём муже. Может быть, для вас он именитый русский писатель и какой-то пример для подражания, а для меня – просто хороший, понимающий и разбирающийся в чувствах женщины человек. Для меня он не умер. Я и сейчас часто общаюсь с ним. Но вам этого не понять, потому что всё происходит во сне.

– Ну, успокойтесь, успокойтесь, Людмила Ильинична, – виновато промямлил сыскарь. – Я вовсе не хотел вас обидеть своими расспросами. Просто для дела необходимо.

– Да, я понимаю, – кивнула Толстая.

А Сухарева уже не оставляла одна ещё смутная, но пахнувшая победой мыслишка. К несчастью, от смутных догадок его отвлёк сослуживец Коля Герасимов:

– Послушай, Алёша, я занимался сейчас просеиванием информации насчёт припаркованных поблизости автомобилей в то время. И нам, кажется, повезло. Возле Всесоюзного агентства авторских прав, где собака потеряла след налётчиков, стоял в тот день «Жигулёнок» белого цвета. Причём, в номере у него есть две спаренные двойки.

– Откуда же такое любопытное сообщение?

– От верблюда, – довольно улыбнулся Николай. – Короче, я всегда говорил, что с дворниками надо дружить! Тамошний дворник мне поведал, что белую шестёрку кто-то загнал прямо на тротуар, поэтому машина мешалась, и убирать пришлось позже. Номер он забыл, но то, что есть спаренные двойки, запомнил хорошо.

– Здорово, – обрадовался Алексей. – Проверь досконально всё, потому что утром надо будет докладывать Ёркину все наши соображения. Каждый день придётся докладывать, пока что-нибудь стоящее не обнаружим.

На следующий день в кабинете Ёркина опять присутствовал генерал-майор. Видимо, для него тоже было важно, чтобы оперативники сумели раскрутить дело раньше, чем следователям из Московской Прокуратуры. Но для Сухарева это было неважно, потому что он искренне радовался успехам коллег, которые по существу были всё-таки противниками. Ведь «преступление века» нельзя было откладывать в долгий ящик, и у кого получится – тот и прав.

– Значит так, – резюмировал начальник МУРа после анализа всех докладов и оперативных разработок. – Значит так, я думаю, что перспективных версий у нас пока не больше пяти, а именно:

– преступление могло быть совершено лицами из числа окружения потерпевшей, её родственников; лиц, посещающих квартиру и их связей.

Отработали быстро. Однако установлено, что за последнее время квартиру посещало не менее двадцати пяти лиц различного социального статуса. Из них некоторые даже проявляли интерес к ценностям, но это не вызывает никаких предположений. Вчера командировали ребят в Ленинград к родственникам, но недавно поступил отчёт о непричастности или же твёрдому алиби близких.

Результат: все проверяемые по этой версии к данному преступлению не причастны.

– далее: разбойное нападение могли совершить реставраторы, работающие в соседнем доме – музее А. М. Горького, либо какие-то их знакомые.

Надо отдать должное оперативникам, проверили за один день довольно большое количество народа, но их причастность к преступлению также не установлена. Однако, отрицательный результат – тоже ответ.

– третий вариант: разбойное нападение могли совершить лица, ранее судимые за преступления, совершённые аналогичным способом, либо теми лицами, которые специализируются на хищениях антикварных изделий и произведений искусства. Результат проверки тоже оказался отрицательным.

Наиболее интересной оказалась версия с белым «Жигулёнком» и спаренными двойками в номере. Её будут разрабатывать Бирюков и Герасимов. Кстати, из лиц, ранее участвующих в разбойных нападениях из-за антиквариата и уникальных произведений искусства у нас числится некий гражданин Ананьев. Он проходил свидетелем у Сухарева. К тому же у Ананьева тоже имеются белые «Жигули» с двумя двойками в номере. Поэтому Алексей – надо срочно проверить твоего подопечного.

– потом: преступление могли совершить лица из числа коллекционеров антиквариата, либо художников-реставраторов, имеющих связи с преступным миром.

Эта работа тщательно проводится пятым отделом ГУУР МВД, но сомневаюсь, что у них что-то там проклюнется.

– и ещё одна любопытная версия: разбойное нападение могли совершить лица из числа работников Государственного литературного музея, оформляющих дом Алексея Толстого под музей, либо их знакомые.

Когда начальник МУРа произнёс пятую версию, у Алексея Сухарева опять засвербила в голове какая-то странная, но ещё недодуманная мыслишка. Он пытался отогнать эту мысль, как надоедливую муху, но та уже прочно овладела сознанием и своим жужжанием не давала покоя.

Однако предстояло проверить Ананьева и его злополучный белый автомобиль.

На следующий день Сухарев успел выяснить, что в день нападения 14 ноября Ананьев с двумя сотоварищами Смирновым и Куликовым уезжал из Москвы. Алексей сразу наострил уши, потому что таких совпадений практически не бывает. А если бывают, то достаточно редко.

Увлёкшись совпадениями и почти поверив в успех, Сухарев умудрился задержать всех троих без специального ордера на арест. Полузаконный арест был необходим, так как путешествие в неизвестные края необходимо было проверить.

Но Сухарев недаром чувствовал безразличие к этому варианту с самого начала. Чутьё не подвело. Оказалось, троица на белом «Жигулёнке» со спаренной двойкой в номере ездил... на рыбалку. Это оказался тот самый редкий вариант совпадения.

Но что же дальше? Вот тут на Сухарева опять напала противная неумирающая мысль о сотруднице музея Соколовой. Но с ней предварительную беседу уже провёл Борис Хусаинов. Он, собственно, ничего тоже не выяснил, но каждый вариант следовало доводить до конца. Тем более, что фонарик интуиции в сознании подавал убедительные сигналы. Только одной интуицией сыт не будешь. Следовало запастись фактами.

– Ты, Алексей, побеседуй с фотографом музея Добкявичусом, который неоднократно бывал в доме Людмилы Ильиничны и фотографировал все её семейные «экспонаты» в разных ракурсах, – посоветовал Сухареву его коллега. – Причём, несколько раз он приходил в дом с какой-то Вероникой. Людмила Ильинична говорит, что девица эта здорово разбирается в драгоценностях.

Услышав это, Сухарев первым делом опять наведёлся к Людмиле Ильиничне, дабы подробнее узнать о работе фотографа и его подопечной.

Толстая ничуть не удивилась визиту Алексея. Наоборот, даже обрадовалась. Потом проговорила, что из многих милиционеров, следователей, криминалистов и прочих специфических работников, посещавших её в последнее время, она больше всего почему-то доверяет именно Сухареву, что ей даже сон приснился, где Алексей ловит преступников и всё оканчивается благополучно, только пойманный преступник вдруг исчезает. Словно какой-то художник нарисовал картину, потом стёр из неё отрицательного героя.

Сыскарь, конечно, обрадовался такой вере в способности оперативника и чуть-чуть засмутился. Ведь сны, видения и всяческие гадания ничуть не способствуют расследованию. Но всё-таки слушал собеседницу, не перебивая, за что получил лишний взгляд благодарности.

– Я хотел бы подробнее узнать, Людмила Ильинична, о фотографе из литературного музея и его ассистентке.

– Да, конечно, – кивнула дама. – Про него уже расспрашивал ваш коллега. Но я ничего добавить уже не могу к тому, что рассказала. А вот про Веронику могу.

– Ассистентку звали Вероника?

– Да, – вздохнула Людмила Ильинична. – Да, Вероника. Я довольно много показывала ей из своих украшений. Она так восхищалась некоторыми из них, что вернула меня в те дни, когда я получила в подарок от мужа, скажем, бриллиантовые серёжки или же кулон из дутой нити белого золота. Ах, это были такие дни, вы не представляете!

– А как фамилия Вероники, вы не помните? – вернул её из воспоминаний Сухарев.

– Ах, нет, – Людмила Ильинична посмотрела виноватыми глазами. – Но я могу позвонить Наде Соколовой и всё узнать.

– Постойте, постойте, – поморщился Алексей. – Давайте, я сам. Ведь это будет выглядеть гораздо приличнее – я занимаюсь своим делом, поэтому обязан проверить все возможные и невозможные случаи пропажи информации. Ведь преступники прекрасно были осведомлены о том, где и какие драгоценности у вас лежат?

– Вообще-то да, – озадаченно произнесла Людмила Ильинична.

– Ну, что ж, думаю, что всё-таки верну вам похищенное, – улыбнулся Алексей. – Только вот пойманных преступников мы не отпускаем и на картине они у нас сидят за решёткой. Мы тоже художники, только рисуем по-другому.

На этом и расстались, хотя Сухарев ещё не знал как долго протянется следствие и надо ли будет ещё беспокоить Людмилу Ильиничну какими-то расспросами. Он сейчас ехал в Литературный музей. Почему сам? Так сейчас было быстрее, да и посмотреть хотелось на работу фотографа прямо в его мастерской.

Надежда Соколова повела Алексея в фотолабораторию Добкявичуса. Тот встретил Сухарева напряжённым взглядом и Алексей понял, что этот фотограф явно что-то не договорил на допросе Борису Хусаинову.

– Я уже был у вас на Петровке, – недовольно проворчал Добкявичус. – Всё, что знаю, уже рассказал.

– Всё? – улыбнулся Сухарев.

Видимо улыбка у сыскаря получилась многообещающей, потому что фотограф вдруг сжался, даже запыхтел, словно ёжик под ёлкой.

– Значит, всё рассказал? – переспросил Сухарев. – А вот об ассистентке своей забыл.

– Какая ассистентка? – вмешалась в разговор Надежда Соколова. – Никакой ассистентки у него нет, и не было.

– Сам вижу, – кивнул сыскарь. – Поэтому ваш фотограф нас познакомит сейчас с фотографией Вероники. Так её, кажется, зовут?

В мастерской на несколько минут воцарилось гробовое молчание. Потом фотограф поднял мутные глаза на оперативника и объявил, что может рассказать о Веронике Пордеа, то есть помочь следствию, но только без свидетелей.

2

Одесский полуподвальный ресторанчик на Молдаванке никогда не пустовал. Собственно, не слишком дорогие ресторанчики всегда пользуются спросом и не только в Одессе. Но «Алтын» на Молдаванке служил местом, где забивали стрелку, чтобы разобраться в воровских делах или просто обмыть удачную сделку. В общем – малина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.